

Два
солнца

*русский
любовный
роман*

Галия Мавлютова

Галия Мавлютова

Два солнца

«ЭКСМО»

2007

Мавлютова Г. С.

Два солнца / Г. С. Мавлютова — «Эксмо», 2007

После глобальной личной неудачи Елена Истомина навсегда вычеркнула мужчин из своей жизни. Теперь ее цель – укрепить свою независимость во всех отношениях. Покупка квартиры, машины, неожиданное повышение по службе; спокойная жизнь, надежные подруги. Что еще нужно деловой современной женщине? Это и пытаются узнать двое мужчин – влюбленные в нее Константин и Александр, которых роскошная красавица не желает замечать. Что им нужно сделать, чтобы расплавить лед ее сердца? У кого из них хватит на это сил – и, главное, желания? Да и поверит ли Лена в их любовь?..

© Мавлютова Г. С., 2007

© Эксмо, 2007

Мавлютова Галия Сергеевна

Два солнца

Удар обрушился неожиданно, он пришелся откуда-то сверху. Тяжело. Будто на голову упал металлический молот. Какая-то могучая сила преодолела земное притяжение. От удара Лену отбросило к стене, затем откинуло вперед, вновь швырнуло назад: утратив равновесие, она почувствовала непереносимую боль и медленно поползла вниз. Глаза выхватили шляпку огромного гвоздя, торчавшего в стене кривым уродцем. Раньше его не было. Дом был новеньким, только что отремонтированным. Кругом сияющие стены, полированный пол, видимо, гвоздь забрел в этот дом случайно. Совершенно непонятно, откуда он взялся. Лена никогда еще не испытывала столь сильного потрясения. Внутренний спазм был сильнее и мучительнее физической боли. Стресс застопорил обычный ритм организма и заморозил сознание. Внезапно судороги прекратились, она почувствовала жар – внутри все горело.

– Не уходи, – сказала она и удивилась, Лена не узнала собственный голос. Он звучал иначе, чем полчаса назад. Это был голос, абсолютно не свойственный Лене, он принадлежал какой-то чужой девушке. – Не уходи. Я не смогу без тебя жить. Я умру, если ты уйдешь. Меня больше не станет. Ты мне нужен.

Лена была уверена, что умрет тотчас же, если он уйдет. Но его не тронули слова. Мужчина сжал кулак и стукнул по стене. Дом затрясся, заколыхался, будто во дворе взорвалась бомба.

– Да куда ты денешься! – крикнул мужчина и поспешно выбежал из комнаты. Хлопнула входная дверь. И сразу все стихло. За окном послышались мирные и домашние звуки. Из желобка стекала вода, только что прошел дождь. Летний, мягкий, ласковый дождь. Они давно собирались отдохнуть на природе. Да все времени не было. Наконец выбрались. Свидание быстро закончилось. И не только быстро, оно закончилось печально. Одним ударом. Вместе с входной дверью захлопнулась судьба, запирая девичье сердце на кованый замок. Лену никогда не били раньше. Никто. Родители воздействовали на единственного ребенка словом, они верили в чудодейственность риторики. Школьные потасовки обошли девочку стороной. Лена не терпела большого скопления народа и никогда не совала свой нос в чужие дела. Первый удар она получила от любимого мужчины. Олег всего лишь на несколько лет старше Лены. Разведен, упрям, своеволен. Но именно эти качества придавали ему шарм и обаяние. Разведен, значит, свободен, упрям – честолюбив, своеволен – наполнен чувством собственного достоинства. Все на свете можно объяснить. И все имеет свою цену. Лена гордилась Олегом. Она выставляла его напоказ, самолюбиво прижимаясь к нему, дескать, это мой мужчина. Он – мой человек. Никому его не отдам. Не позволю даже мизинцем к нему прикоснуться. Она сделала из своей любви шатер, скрылась в нем и никого не пропускала внутрь. Это был маленький рай для двоих. И в этом раю главенствовал мужчина. Лена старалась сделать все, чтобы Олег не тревожился, она выполняла любые его прихоти. По его настоянию переехала к нему в комнату, подружилась с соседями, мужественно переносила муки коммунальной жизни. Наконец, наступила благословенная минута, которую она так долго ждала, обмирая от неопределенности. Олег сделал ей предложение. Это произошло внезапно.

– Давай поженимся, – коротко бросил он, глядя, как Лена выкручивает мокрое белье.

Лена выронила тряпки, и они с шумом плюхнулись в таз. Мыльные брызги полетели во все стороны. Лена вытерла грязные капли со лба. Она тайно мечтала об этой минуте, давно, с детства, ведь все девочки мечтают выйти когда-нибудь замуж. Но все случилось иначе, чем она себе представляла. Это должно было случиться в романтической обстановке. На берегу Эгейского моря. В японском ресторане. В конце концов, можно было поехать на Финский залив. Сердечные признания приятно слушать под шум морского прибоя и крики чаек. Ну не в коммуналке же принимать предложение руки и сердца от любимого мужчины! Здесь шумно

и грязно, в коридоре спуют любопытные соседи, они явно подслушивают. Олег поморщился. Молчание Лены поразило его, ведь девушка должна немедленно дать согласие, немедленно. Неожиданная остановка вывела его из равновесия. Он ждал ответа. Лена молчала. Она смотрела на Олега, будто не слышала его, не понимала смысла слов. Думала о будущем.

– Что ты молчишь, милая? – сказал он и шагнул к ней.

Отодвинув ногой таз с бельем, Олег обнял Лену. Она прижалась к нему, испытывая непреодолимое желание. Это нестерпимое влечение она почувствовала в ту минуту, когда впервые увидела Олега. Оно сжигало ее изнутри, оставаясь неутоленным. Едва он прикоснулся к ней, желание вспыхивало с новой силой. Лена изнемогала от бурных ласк Олега, стремясь насладиться новыми впечатлениями, но они не приносили утешения. Лена приникла к Олегу и забыла о коммуналке, соседях, неустроенном быте. Уши, кончики пальцев, макушка – все пылало, будто внутри поселилось солнце. Лена водила пересохшими губами по его лицу, шее, груди, все было родным, горячим. Он поймал ее мягкий рот и припал к нему, будто хотел напиться. Олег тоже не мог утолить ненасытную жажду. Они проникали друг в друга, словно прыгали в колодец с ледяной водой, вода закипала, но не остужала разгоряченные тела.

– Дверь надо закрыть, – сипло выдохнула Лена.

– Потом-потом, – прошептал Олег, ловко уронив девушку на пол.

Он проделал этот пируэт вполне грациозно и безобидно, увлекаемый страстью. Лена очутилась на полу и уже не видела, не чувствовала, не ощущала, как бьется ее голова между тазом и колченогим стулом. Она очутилась на другом свете. В другом измерении. Там ничего не было. Ни таза, ни стула, ни соседей. Только двое влюбленных. Он и она. В этом измерении нет ничего материального. В нем превалирует солнечный свет. Очень много света. Много солнца. Оно сжигает тела и души, пронзает сердца острыми лучами, оставляя повсюду кровавые следы. Каждый луч проходит через сердечную мышцу, заставляя ее содрогаться от мучительной и сладкой боли. И нет ничего слаще в этом мире! Нет ничего мучительнее. Лена открыла глаза, увидела таз с водой, ножки стула. Она улыбнулась. Убогая обстановка не вызвала у Лены отвращения. Внутри нее разрасталось солнце. Оно нестерпимо жгло, покалывая кожу тонкими иглами.

– Ты согласна? – сказал Олег, прижимаясь губами к Лениной щеке.

– Разумеется, согласна, – прошептала она, испытывая жгучий приступ нового желания, словно в ее сердце поселилась ненасытная кобра, пожирающая все живое вокруг. Олег нежно засмеялся, почувствовав вибрацию женского тела.

– Потом-потом, – сказал он. Это было его любимое выражение. «Потом-потом». Олег всегда так говорил, когда хотел избежать какого-либо действия или поступка. Обычно он уходил от трудных разговоров, потом, когда-нибудь, немного позже. Зато сейчас все состоялось. Потому что потом – суп с котом. Она согласна, сейчас – согласна. И иначе не могло быть. В коридоре прошелестели чужие шаги. Соседи. Они тоже наслаждались пребыванием в другом измерении, но чужом, не своем, им уже не по силам устроить собственное пространство. Шаркающие шаги вспугнули девушку, Лена легко вскочила, быстро привела комнату в порядок. С этой минуты у Лены началась новая жизнь. Теперь все будет иначе, не так, как обычно. Вскоре Лена станет замужней женщиной. Рядом с ней всегда будет любимый мужчина. Олег Загорulyко. Фамилия смешная, никудышная, можно оставить себе девичью. Ведь никуда не годится – Елена Загорulyко. Елена Истомина гораздо благозвучнее – уж лучше остаться Истоминой. Не пойдешь же в поликлинику с такой фамилией. И загранпаспорт только что получила. Олег – очень милый, ласковый, он не станет протестовать, он разрешит оставить Лене ее девичью фамилию. Олег – умница, он выше тривиальных условностей. Истомина отбросила пустые мысли и занялась приготовлениями к свадьбе, она сама завела пусковой механизм, своей рукой повернув ключ судьбы. И вскоре завертелась предсвадебная карусель. Началась суматоха со списками, неразбериха с выяснением состава гостей с той и другой стороны, выбор

портнихи и многое другое, что отвлекает от серых будней, обещая в конце тоннеля вселенский праздник для страждущей души. Внезапно появилось первое облачко разногласий. Влюбленные повздорили в момент подачи заявления. Прямо в ЗАГСе.

– Тебе что – не нравится моя фамилия? – насупился Олег. Его шею свело судорогой гнева. Лена посмотрела на его вздрагивающий кадык и разволновалась. Какая, в сущности, ерунда. Останется она Истоминой или будет Загорулько, никакой в этом разницы нет, лишь бы Олег был рядом с ней, всегда, всю жизнь, до смертного исхода.

– Нравится, очень. Я же люблю тебя. Мне не хочется менять документы: диплом, права, загранпаспорт, это же такая волокита в наше время, – нервно засуетилась Лена, вспыхнув маковым цветом.

– Ничего, не переломишься, – зло буркнул Олег, и Лена нехотя расписалась в заявлении. Из-за фамилии жениха на камень преткновения нашла первая коса разногласий, но внутреннее солнце не отреагировало на полосу препятствий, оно не заметило опасности. Влюбленные хлопотали, куда-то ездили, о чем-то переговаривались, в конце концов выдохлись, силы иссякли. Оба устало потирали воспаленные глаза. Нужно было отдохнуть перед свадьбой. Лена предложила отдохнуть за городом. На родительской даче. Там все и случилось.

– Это твой дом, надеюсь? – сказал Олег, вяло ковыряя вилкой присохшую икринку на краю тарелки.

– Нет, его родители построили, они всю жизнь его делали своими руками, видишь, он словно игрушечный, – сказала Лена, охотно поддерживая тему разговора. Она любила этот дом. Все детство прошло в нем. Дом еще помнит маленькую девочку с косами, бегавшую по полянке со скакалкой. В такт скакалке подпрыгивали банты, оставляя на пестрой полянке бойкие тени. Иногда Лене казалось, что она видит эту девочку с бантами. Казалось, и трава запомнила и сохранила солнечные тени из далекого детства.

– И квартира тоже – родительская? – сказал Олег, скользнув вилкой по тонкому фарфору. Блюдце издало неприятный пронзительный звук, у Лены больно сжалось сердце. Девушка почувствовала обиженную мышцу, будто воочию увидела ее сокращение. Когда-то она прочитала, что от неприятных слов на сердце остаются рубцы. Иногда они становятся смертельными.

– Д-да, разумеется, родительская, – сказала Лена.

Истомина удивленно подняла брови – к чему он клонит? У них все будет. И квартира, и дом, и машина. Целых две машины. Нет, три. Одна будет запасной. Для гостей и родственников. Мало ли кто в гости нагрянет, не оставлять же людей без колес.

– А родители у тебя кто такие? Бизнес, госслужба? – продолжал допрашивать Олег.

Лена виновато потупилась. Да, ее родители не дослужились до больших чинов, они не хватили с неба звезд, но нельзя же винить людей за то, что они остались внизу, на самой нижней ступеньке.

– Да нет, что ты, они у меня скромные люди, – засмеялась Лена, – обычные, как все в этом городе. И все, что у них есть, они своим трудом заработали.

– Так ты у нас бедная невеста, получается? – едко ухмыльнулся Олег.

– Почему – бедная, почему – получается? Олег, я отлично устроена, у меня хорошая зарплата, и родители мне помогают. Точнее – помогали, я отказалась от помощи, сама неплохо зарабатываю, – сказала Лена, покраснев от обиды. Обида разрасталась, но она не смогла погасить палящее солнце. Злые слова звучали параллельно, не пересекаясь с внутренним состоянием. Они ранили сердце, но не душу.

– А сколько им лет? Сорок пять на рыло, девяносто на двоих, – откровенно злился Олег. Его что-то изводило, он выворачивал злость наизнанку, комкал ее, мял, пытаясь расправиться с ней. Но ему плохо удавалось, он уже не справлялся со своим состоянием.

– Папе – сорок шесть, маме – сорок четыре, ты прав, им девяносто на двоих, а что в этом плохого? Они у меня еще юные и бодрые, – невесело засмеялась Лена. Своим грустным смехом

она пыталась разрядить грозовую обстановку, но у нее ничего не вышло. Вместо разрядки получился высокий накал, ситуация выглядела раскаленной добела.

– А ведь тебе ничего не светит с наследством, – сказал Олег и поднял голову. До сих пор он упрямо смотрел в тарелку, словно хотел разглядеть там какие-то знаки, шифр, код, но не разглядел, не расшифровал. Он смотрел в глаза Истоминой, будто в них спряталась разгадка.

– Не светит, – покорно согласилась Лена, – мне оно ни к чему. Пусть мои родители живут еще сто лет.

– Двести, – вдруг обозлился Олег. – Двести пусть проживут. Нам ведь не жалко, так?

– Олег, перестань, подумай, о чем ты говоришь? Неужели я должна желать смерти собственным родителям? Ты что, не выпался? – встревожилась она.

– С тобой выпишься, – повысил голос Олег, – ты из меня все соки вытянула, ненасытная.

Его затрясло от негодования, Олег резко встал и подошел к окну. По стеклу шумно бились струйки дождя. Казалось, они всхлипывают. «Это дом плачет, его обидели», – подумала Лена и прикусила губу. Ей тоже хотелось плакать.

– Олег, ты просто не в настроении, ты поспишь, и все пройдет, – тихо произнесла она, пытаясь раздавить слезный ком в зародыше.

– Да у меня не бывает плохого настроения, – взревел Олег, – ты не понимаешь меня. Дура! Какая же ты дура! Неужели ты решила, что я женюсь на тебе просто так? Ты хороша, не скрою, особенно в постели, но мне не это нужно.

Он прижал ладони к стеклу, словно хотел выдавить его из рамы. Лена хмуρο наблюдала за ним. Она видела его таким впервые. Внезапная метаморфоза изумила невесту. Выходит, она не знала, за кого выходит замуж. «Если хочешь лучше узнать жениха, как следует напой его перед свадьбой», – говорила ей в детстве бабушка. Лена весело смеялась, пропуская мимо ушей уроки мудрой старушки. Она считала, что бабушкины советы ей не пригодятся – давно устарели. В современном мире люди живут по другим законам и правилам, ведь Олега не нужно накачивать алкоголем. Он трезв, как младенец. И сейчас он показывает истинное лицо. «Надо любить человека всяким. Я должна все в нем любить – и дурное, и доброе», – думала Лена, судорожно сжимая кисти рук. Она будто хотела сломать что-нибудь в себе, чтобы прекратить муку, ведь тогда физическая боль перевесит душевную. Мир перестанет шататься. Жизнь победит своим чередом. Олег сядет завтракать. Улыбнется, обнимет, поцелует. Скажет, что пошутил, хотел испытать на прочность и устроил проверку на склочность. Не могла же она, в конце концов, полюбить последнего негодяя, нет, разумеется. Редкий, незаурядный, удивительный мужчина, таких, как он, немного. Олег выделяется из толпы серых посредственностей. А сейчас говорит не он, им руководит раздражение. Злость. Отчаяние. Он устал жить в коммуналке, после свадьбы надеялся на перемены к лучшему. Лена упрямо отбрасывала мысль о том, что Олег искренне рассчитывал на богатых родителей невесты.

– Вот что, милая, я пошутил. Я не женюсь на тебе. У тебя же ничего нет. Квартира, машина, дача – не твое. Тебе не принадлежит. Ты – нищая! А диплом с «пятерками» засунь себе в задницу, – прошипел Олег, мотая головой в разные стороны. Он словно избавлялся от какой-то навязчивой идеи. «С ним что-то произошло, что-то страшное, не укладывающееся в рамки обычной жизни, надо с ним поласковее, ведь только любовью можно залечить раны близкого человека. Сейчас я скажу ему что-нибудь утешительное, второстепенное, нейтральное, он успокоится, и у нас все наладится. Олег сам расскажет мне, что с ним произошло».

– Олег, не огорчайся, все пройдет, все плохое проходит, а у нас все с тобой будет хорошо, вот увидишь, – сказала Лена, даже не заметив, что тон ее голоса слегка изменился. Она уже говорила с Олегом не как невеста, а как жена. Олег еще больше разозлился, он оторвался от окна, повернулся к ней, нашел взглядом глаза Лены и впился в них, будто хотел вытащить из нее тайну, известную лишь ей одной.

– У нас с тобой ничего не будет, – прошипел Олег, – ни плохого, ни хорошего. Забудь обо мне. Это была шутка. Понимаешь?

– Понимаю, – кивнула Лена, – понимаю. Но ты меня не бросай, Олег, я же люблю тебя.

И дальше произошло то, что произошло. Она подошла к нему и прижалась, ощущая внутри себя яркое и губительное солнце, а он отшвырнул ее, отцепил и отбросил к стене. Когда она рванулась к нему, ударил. Затем стукнул входной дверью. Ушел, сгибаясь от ярости. И сразу наступила пустота. Лене казалось, что ржавый гвоздь, случайно оставшийся в стене после ремонта, вбит в ее сердце. Он торчит оттуда, и все его видят. Теперь будет замечен издалека. Она с трудом поднялась. В сенях нашла слесарный ящичек, порылась в инструментах, долго перебирала отвертки и сверла. Глаза у нее были сухими, веки воспаленными, но она не плакала. Если бы заплакала, из глаз потекла бы кровь. Это она точно знала. Наконец в железной груди она наткнулась на пассатижи. Сжимая инструмент в руках, вернулась в комнату. «Бог меня спас. Небольшое отклонение от траектории, и моя голова наткнулась бы на этот гвоздь. Он мог проткнуть мой затылок до основания», – подумала Лена и вытащила пассатижами кривого уродца из гнезда. Поддержала в руке, присмотрелась к стене. Непонятно, откуда он взялся, наверное, его вбили, чтобы придержать временное крепление при установке мебели. А выдернуть забыли. Он остался торчать немым знаком, напоминая обитателям дома, что на свете существует не только жизнь, но и смерть. И они неразлучны друг с другом. Это кровные родственники.

Есть на свете странные люди. Лудоманы. Это игроки, завсегдатаи игорных домов. Они безразличны ко многому на свете. Их не привлекает алкоголь и наркотики. Их мало что привлекает, весь мир утратил для них значение. Ими руководит всепоглощающая страсть. Они оставляют в казино огромные деньги, зачастую чужие, украденные, последние. Это азартные люди. Многие уверены, что эти люди – типичные сумасшедшие. Они считают, что здоровы. Олег рассказал Лене однажды, что любит посещать казино, он не скрыл от невесты своего увлечения. А она отнеслась к признанию жениха с юмором. Всего один раз она видела его сумасшествие, он выглядел как бы «слегка не в себе». Потом все прошло, Олег снова стал нормальным. Лена отбросила от себя дурные мысли. Ведь Олег совершенно не алчен, он равнодушен к деньгам. При знакомстве Истомина сделала вывод, что Олег не страдает денегоманией. Это чрезвычайно модное заболевание начала двадцать первого века. Оно опаснее СПИДа и рака. Лена обходила стороной больных людей, страдающих тяжелой формой модной болезни. Она выбрала Олега из многих, считая, что он разительно отличается от остальных мужчин, но Истомина не знала, что Олег тяжело болен другим опасным заболеванием. Им владел азарт игрока. А выиграет он или проиграет, Олега вообще не беспокоило. Нужду в деньгах он стал испытывать перед свадьбой. Олег спустил в казино уйму денег. А когда возвращался домой поздней ночью, попал в аварию. Шел дождь, дорога была свободной, Олег поехал на красный, он не мог остановиться, когда из-за угла выбежала женщина, она спешила, очень спешила – бежала простоволосая, без зонтика. И оказалась под колесами. А чуть позже – в больнице. Но Олег не раскрыл карты, не стал посвящать Лену в тонкости лудоманской жизни. Все подробности Истоминой стали известны после происшествия на даче. И еще она узнала одну тонкую психологическую подробность – все игроки становятся агрессивными по отношению к тем, кто посмел встать на пути к азарту, они легко могут поднять руку, даже способны убить. Но это бывает лишь в крайних случаях.

Солнце у нас одно, оно одно на всех, яркое и ослепительное, на него невозможно смотреть открытым взглядом, от его обжигающих лучей можно ослепнуть, до краев захлебнувшись всепоглощающим светом. Ослепленный безжалостным светилом человек закрывает глаза и видит внутри себя два черных пятнышка. Круглые, маленькие и беспросветно-мрачные – это

отблески солнца, его слепое отображение. Два солнца – они живут в душе каждого разумного существа, согревая его своим теплом в ледяную стужу и освещая надеждой в безысходной и нескончаемой ночи. Солнце навсегда остается в человеке, оно живет в нем до смертного исхода и дарит ему вечное тепло, то самое, что заставляет человека ежедневно просыпаться, помогая преодолевать земное притяжение. Человек вскакивает, подтягивается и поднимает на поверхность серых будней добрых шестьдесят килограммов живого веса. Черные солнышки прыгают внутри, будоражат организм, заставляют двигаться, дышать, делать зарядку. Взмах, еще один взмах, прыжки, подскоки. Хватит, надоело! Лена посмотрела в зеркало. И рассердилась на себя. Отражение не радовало глаз. Один прыщик на лбу, второй собирается вызреть на подбородке. Говорят, что прыщики гарантируют вечную юность. Это прелестно, но не опрятно. А все из-за неправильного питания. Как хочется стать красивой, но пока никаких перемен – все то же личико, испещренное прыщиками, печальный взор. Придется в корне менять тактику и стратегию по усовершенствованию внешних данных. Надо срочно приниматься за нетривиальные методы. Но это – чуть позже, а сейчас – уже пора завтракать. Лена довольно прытко отошла от зеркала. Пока лицо не приобретет тонкость и свежесть, к зеркалу дорога закрыта. Придется жить без отражения. Есть дивный рецепт для создания тонкого и изысканного образа. Известная телеведущая Елена Мельникова рекомендует всей стране есть по утрам сырую овсянку. Приятная женщина, симпатичная, по совместительству – верная супруга ученого с мировым медицинским именем. И как эти ведущие все успевают? И женой побыть, и по ящику вовремя показаться, и макияжем поблизиться. А все от одного идет – надо сырую овсянку по утрам кушать. И непременно каждый день. Ложками ее, ложками, всухую. Телезвезды сами мучаются и других заставляют. Зато у них прыщиков нет. Лена Истомина достала пакет овсянки, грустно повертела в руках, потрясла, в коробке раздался грохот. Лена зажмурилась от отвращения. Даже перед лошадьми стыдно. Словно от голодных конских губ овес увела. Лена насыпала горку крупы в блюдо, немного подумала, поморщилась, подлила водички из чайника. Размешала содержимое, получилась мутная каша. Истомина плотно смежила веки и поднесла ложку с серой массой ко рту, прижав к краешку губы, долго держала ее, а в глазных яблоках миготом запрыгали два черных солнца. Затем они улетели, наверное, закатились в глубину души. На смену солнцам прискакали лошади: каурые, пегие, саврасые, вороные. Разномастные какие-то. Они остановились, сбились в небольшой табунчик и уставились в закрытые глаза Истоминой, будто стыдили ее за противоправный проступок. Лена громко всхлипнула: «Противная овсянка». Но за муки и страдания приятная во всех ракурсах телеведущая обещала огромное вознаграждение, дескать, тот, кто станет кушать сырой овес по утрам, непременно проживет до ста лет, а некоторые страждущие смогут дотянуть до ста двадцати. Все зависит от непреодолимого желания. Если особо не придирается к декларациям, то ведь обаятельная в профиль и анфас Мельникова вполне объективно рассуждает. Чтобы прожить в этой жизни в натуральном виде и натуральную величину хотя бы сто лет, прежде всего нужно искоренить из организма все желания и пороки – не пить, не курить, не объедаться, не предаваться азартным играм, не бродить по ночным клубам – это первое условие. И второе – самое необходимое и важное: нужно научиться ложиться спать в девять вечера, вставать в семь утра, есть сырой овес, не ужинать, не предаваться эмоциональным взрывам и сомнениям любого рода. Выводя сухой осадок из несложных построений телевизионной девушки, следует, что каждому и повсеместно необходимо построить этакий незримый, абстрактный, неосязаемый колпак и поселиться там, пребывая в самодельном коконе в непереносимом одиночестве. Теория Мельниковой подразумевает, что каждый человек должен создать себе некий вакуум. И в нем непременно должна присутствовать овсянка. Как ценный источник питания. Энергетический двигатель прогресса. Лена Истомина вытянулась в струну и, сделав над собой усилие, с брезгливой миной проглотила содержимое. Она содрогнулась от отвращения, затем успокоилась, приоткрыла один глаз, зачерпнула ложкой ненавистную овсянку и повторила надругательство над собой. И так будет

каждое утро. Чтобы жизнь медом не казалась. Истоминой вовсе не хотелось прожить на свете сто лет. Она не думала об этом. Лена решила стать красивой. Кто-то хочет жить долго, кто-то хочет разбогатеть, кто-то влюбиться. А Лена мечтала обрести невиданную красоту. Девушка уже видела себя ослепительной красавицей. Воображение наглядно демонстрировало позитивные картинки. Неземная красота основательно влияла на окружающий мир. Она не спасала, не выручала, не вырулиwała, красота затмевала зрение, отнимала разум. И тот, кто соприкасался взглядом с Истоминой, мгновенно слепнул, не в силах больше нести на себе бремя самого важного органа чувств. Ему больше не требовались глаза, все, что он мог увидеть, уже состоялось. И Лена просыпалась, ощущая щекой мокрую от слез подушку. Это были слезы счастья и умиления. Сны придавали мечтам осязаемость, иногда Истоминой казалось, что заветная мечта вскоре воплотится в реальность, осталось еще немного, еще чуточку, и окружающие мужчины сплошь и рядом обзаведутся полосатыми тросточками. Мир навсегда утратит для них значение. Красота Истоминой всколыхнет тонкие душевные струны безмозглых и бесчувственных истуканов, и они создадут стихи и песни, фильмы и спектакли, напишут картины и симфонии, прославляя в веках небесную и нетленную красоту Елены. Девушка со всхлипом вздохнула и доела овсянку уже без судорог и спазм. Сварив кофе, долго стояла над сахарницей, затем резким движением отодвинула ее подальше. Кофе без сахара, никаких соблазнов и пороков. Красота требует самоотречения. Истомина побродила по квартире, взглянула на часы. Здоровый образ жизни обязывал подчиняться строгому распорядку. Лена просыпалась в семь утра. И хотя на работу нужно было являться к половине одиннадцатого, Лена настойчиво соблюдала режим, она давно жила, как заведенный механизм. Истомина лениво вытянулась, не торопясь, набрала воду в ванну и тихо скользнула в прохладную воду. Утренняя ванна освежает и бодрит, подготавливая к суетливой беготне по офису. В закрытых глазах шустрými мячами бегали два солнышка – теплые и жизнерадостные. Нежась в ванне, Лена составила в уме список неотложных дел. Ей не требовался органайзер и записная книжка. Всю информацию она держала в памяти. Она мысленно пробежалась по веренице дел. Ничего не забыла. Везде оставила записку на виртуальных полях. Лена слыла в определенных кругах завзятой карьеристкой, но она не была ею, стремление взобраться на должностную ступеньку Истоминой диктовала суровая необходимость. А чем еще заняться симпатичной девушке, ведущей одинокий образ жизни? Лена усмехнулась, поболтала ногами, ладонью смахнула с губ ком пышной пены. Недавно во дворе ее дома было совершено жестокое преступление. На глазах у изумленного родителя какие-то разбойники похитили двоих детей. Стукнули папашу по затылку, засунули детишек в салон потрепанной «копейки» и исчезли в неизвестном направлении. Когда мужчина очнулся, во дворе было тихо и печально. Никого, ни одного человека. И никто не бросился на помощь детям, не стал вызывать милицию, не позвонил в «Скорую». Люди страшатся беды, стараются обходить ее стороной, они боятся чужих несчастий. После преступного инцидента весь квартал попал под подозрение. По квартирам ходили сумрачные участковые и записывали желающих посетить местный участок. Желающих не нашлось. Двери загадочно молчали, будто все жители в округе вымерли, как мамонты. Один из стражей порядка навестил Елену Истомину. Она нехотя открыла дверь, поздоровалась.

– Вы, Истомина, живете одна? – сказал пожилой мужчина в форме майора, беглым взором оглядывая гостиную.

– Одна-одна, – неохотно подтвердила Лена.

– Я напишу, что вы ведете одинокий образ жизни, – предложил участковый и приторно-ласково взглянул на Истому.

– Ну уж нет, – бурно запротестовала она, – какой там одинокий? У меня друзья, подруги, работа, спортивный клуб, читальный зал. Вздохнуть некогда. Телефон не умолкает. Постоянно на подзарядке.

– А что же я тогда напишу? – возразил майор, бросив укоризненный взгляд в сторону кухни. Там было пустынно. Ни кухонного чада, ни запаха сторовешей картошки и поджаренного лука. Очаг одинокого эстета – ни больше, ни меньше.

– Ну, это, напишите, что я веду, я веду-веду-веду, – забормотала Истомина, покрываясь испариной, будто это она похитила несчастных детей и побила несчастного папашу, а сейчас ее пытали и допрашивали, добиваясь чистосердечного признания. Она икнула и замолчала. Какое-то уж очень неприятное это слово – одинокий, одинокая, одинокое – оно режет слух, бьет по мозгам. Одиночество больно шлепнуло по темечку. Так всегда бывает. Не ждешь удара, а он, бац, и опустился, но надо уметь держать стойку.

– Вот и я говорю, – обрадовался участковый, – и правильно говорю: «одинокий образ жизни».

Он уже приступил к изложению гениальной мысли, но Истомина взмахнула рукой и выпалила, обращаясь больше к себе, чем к забитому и изношенному службой участковому: «Напишите, что я веду уединенный образ жизни, так будет точнее!». Седой мужчина несказанно обрадовался. Он явно не страдал повышенным интересом к конфликтам с опрашиваемым контингентом. Когда Истомина подписывала объяснение, она увидела слова, выведенные четким каллиграфическим почерком: «веду уединенный образ...», но промолчала, не указала на ошибки, а дальше читать не стала. Молча подписала и также безмолвно выпроводила неожиданного гостя. Вскоре в газеты просочилась информация о том, что детей украли близкие родственники. Им не досталось наследства от недавно умершего богатого члена семейного клана. Обиженная на покойника родня потребовала передела собственности. Они хотели получить свою долю от смерти. А для отправной точки восстановления утраченной справедливости использовали киднэпинг. Потом детей вернули. Их не убили, родственники все-таки. А наследство так и не поделили, органы и обстоятельства не позволили. Зато теперь Истомина постоянно видит перед собой три коротких астральных слова – «ведет уединенный образ».

Вода в ванне остыла. Лена провела мокрой ладонью по плечу, зябко. Хочется выпрыгнуть из ванны прямо в море. И уплыть далеко-далеко, за горизонт. Однажды она заплывала за буйки, это было на Балтийском море, так ее поймали пограничники и долго мучили дурацкими вопросами, отпустили через пять часов. С тех пор Лена не рискует заплывать за запретную черту своей жизни. Истомина выскользнула из ванны и докрасна растерлась жестким полотенцем. Список дел четко вписался в строгий режим. Работа, дела, переговоры. Вечером – ужин, клуб, чтение на сон грядущий. Никаких звонков. Сотовый придется отключить, иначе запланированные дела плавно перетекут на следующий день. А Лене нельзя нарушать работу налаженного механизма. Ведь завтра ждут уже другие заботы. И на послезавтра все время расписано по минутам. Истомина давно живет как робот. Ни секунды покоя. Даже полежать некогда. Единственное время, когда Истомина могла себе позволить легкую негу в прохладной ванне, – раннее утро. Она тщательно подготавливала себя к встрече с жизнью. За дверью квартиры таились опасности и микробы, вирусы и соблазны, желания и сомнения. Но Лена гнала прочь от себя страхи с помощью придирчивого ухода за собственным телом и душой. Все у нее было рассчитано и продумано на пять лет вперед. Это не много и не мало. Всего пять, и за это время нужно многое успеть, успеть в главном, а что для нее главное, Истомина еще не определила. Ей снились разные смешные сны, точили душу странные желания, и подгоняли наверх нереализованные инстинкты, но это же нормально, и нормальнее не бывает. Лена добавила немного туши на ресницы, чуть больше, чем обычно. Жизнь обязывала к созданию удивительного образа. Красота достигается легко – немного фантазии, флакончик воображения и в довершение ко всему энное количество денежных знаков. Внешность требует немалых вложений, как и строительство большого дома. Кто бы спорил. Ненавистные прыщики благополучно скрылись под легким слоем тонального крема. Истомина оглядела себя в настенном зеркале. Хороша! Нет, недостаточно хороша. Надо еще много работать над собой. И она вышла из квар-

тиры, слегка недовольная собственным настроением. Легкое недовольство окутало красивое лицо, казалось, какой-то невидимый ловец за бабочками накинул на девичье лицо сачок, а на глаза прозрачный мешок из марли. Любой встречный прохожий, уловив непреодолимую грусть в ее глазах, вздрагивал, превозмогая нестерпимое желание сдернуть невидимую маску, снять сачок, но проходил мимо, нелепо размахивая руками. На то он и прохожий, ведь изменить девичий взгляд, сделав его в один миг счастливым, дано не каждому. Это редкое искусство, и оно не по плечу первому встречному. Этот великий дар присущ только сильным и добрым, способным разглядеть за всем этим маскарадом безудержно-яркое солнце.

Крохотный кабриолет ловко вырулил на правую безопасную сторону. Лена благополучно миновала огромный затор и умильно улыбалась, радуясь нечаянной удаче. Солнечный день набирал обороты. Прохладный ветерок свободно залетал в открытое окно машины. Истомина вытянула руку и помахала, пробуя ветер на крепость. Северный, умеренный, значит, день обещает не быть беспощадно жарким. Какая удача, можно не включать ненавистный кондиционер.

– Девушка, возьмите меня с собой? – закричал мужской голос будто бы прямо в ухо.

Истомина нервно передернулась, завертела головой, выискивая обладателя нахального баритона.

– Девушка, не бойтесь, я – хороший! – продолжал надрываться невидимый баритон.

– Отстаньте вы от меня, – сказала Лена, обращаясь в пустоту. Она не знала, не видела, с кем разговаривает, кому отвечает.

– Не отстану, ни за что не отстану, вы такая красивая! Я таких девушек раньше не встречал. Вас не было в нашем городе, вы откуда взялись? – захлебывался восторгом неведомый нахал.

– Да где вы? – забеспокоилась Лена, в какую-то минуту ей показалось, что нахальный голос сидит на заднем сиденье. Она оглянулась, но салон был пуст.

– Я здесь, я рядом с вами, – заорал в ответ неизвестный и схватил Истому за руку.

Истомина выдернула руку и зарделась. Возле кабриолета остановился изящный автомобиль, марка которого ей была незнакома. Она еще не встречала такого красавца в среде железных рыцарей. Лена подняла глаза и увидела букет выпуклых васильков, они уже созрели и осыпались, но еще цеплялись за остатки жизни. На нее смотрели синие с проседью озера, и принадлежали они вполне зрелому мужчине, симпатичному, загорелому, уверенному в себе. Голос не подходил ему по антуражу, нахальный и порывистый, он больше всего мог украсить юного шалопа, нежели солидного дядю, коим оказался водитель серого быстрого скакуна.

– Девушка, не уезжайте далеко, мне так много нужно вам сказать, у меня столько всего накопилось, – орал мужчина, как оглашенный, порываясь поймать Ленину руку, но Истомина ловко вырулила на поребрик, спасаясь от навязчивого ухажера. Она почувствовала толчок, сердце испуганно сжалось, но вскоре она уже резво мчалась по Московскому проспекту, усмехаясь над незадачливым кавалером. Его роскошная колымага обладала большими габаритами и не смогла проехать по узкой расселине, образовавшейся в скопившейся автомобильной массе. А Истоминский кабриолет умел выбираться и не из таких дорожных ситуаций. Маленький и юркий, он проворно ускользал от чересчур назойливых преследователей. Застывшая маска печали сползла с лица Лены лишь на некоторое время. Едва басистый голос растаял в синей гари, легкая тень вновь вернулась. Истомина мечтала обрести невиданную красоту для того, чтобы увидеть у своих ног коленопреклоненных мужчин. Своим восхищением они обязаны воздать должное первой красавице города. Но сами мужчины Елену не интересовали, их внимание лишь раздражало, она еще переживала душевную драму, и любое напоминание о прошлом причиняло нестерпимую боль. Хотя Истомина довольно снисходительно относилась к собственным переживаниям, а «душевной драмой» несостоявшееся замужество Истоминой окрестила ее лучшая подруга – Настя. На почве неверного диагноза между подругами пролегла

черная полоса. Хрупкая женская дружба находилась в полуразрушенном состоянии. Елена с брезгливостью относилась к любого сорта выяснениям отношений. Неминуемый на первый взгляд конфликт обходила стороной. При появлении на горизонте даже легкого облачка пряталась в свой кокон. Это – не мое! Не имею права думать об этом. Заповеди были схожи с командами, жесткие и суровые, они помогали Истоминой жить и выживать. Лена легко забывала людей, посмеявших поранить ее душу, она вычеркивала из своей памяти и жизни тех, с кем годами общалась, дружила, сидела за одним столом. Она гасила приступы боли при расставании. Давила их, уничтожала. Нужно уметь избавляться от боли, лучше обойти лишние препятствия. Люди тоже могут являться труднопреодолимым барьером, более того, они способны создать стену между жизнью и человеком. Истомина никого не подпускала к себе близко, она научилась скрывать свои чувства, наловчилась прятать глаза под густыми ресницами от окружающих, чтобы никто не мог прочесть истину. И жизнь уступила девушке, предоставив ей возможность спрятаться. Внешний и внутренний миры Истоминой не совпадали, параметры были разными, видимо, тайный системный инженер перепутал шифры при установке программы. Несовпадения кодов придавали образу томный вид, окутывая Елену романтической вуалью. Истоминой не хотелось выходить из дымчатого кокона. Ей было уютно внутри. Внешние раздражители не касались чувствительной души. С Настей Лена продолжала поддерживать видимость дружеских отношений. Навязчивых кавалеров не замечала, прогоняя их с дороги своей надменной отстраненностью. Да они и сами легко отступались от неприступной девушки, с сожалением отмечая, что никакие ухищрения не в силах вызвать интерес в равнодушных глазах. Мужчины сдавались без боя, у них не было времени на долгие ухаживания. В автомобильном заторе всегда скучно и тошно. Иногда хочется разыграть карту, чтобы удивить окружающий мир невиданным фокусом. Утомленные длительным стоянием в угарном чаду водители были не прочь привлечь внимание незаурядной красавицы за рулем. Елена привыкла к назойливым окрикам. Она завела кондиционер и редко открывала окна в машине. Но погода не одобряла кондиционеры. Ласковое и доброе лето подарило светлые и погожие деньки, овеваемые легким ветерком, который озорно прикасался к прохладным щекам Елены. Стоило открыть окно, и тут же навязался дамский волокита, видимо, привык к женскому вниманию. Лена наморщила нос, пытаясь вспомнить облик незнакомца из серого ландо. Но не вспомнила. Лицо мужчины застряло в девичьей памяти смазанным пятном неопределенного цвета. Изящная сумочка, удобно устроившаяся на сиденье, вздрогнула и ожила, издавая глухие звуки.

Зазвонил сотовый. Истомина достала телефон, взглянула на номер, прижала аппарат к уху. Сотрудники ГИБДД в этом месте не пасутся. Можно всласть наговориться с любимой подругой.

– Настя? Привет, – прошептала Елена, придавая голосу как можно больше очарования. Истомина даже не шептала, она ворковала. Подруга уловила тональность, оценив мастерский прием, тут же встала в стойку. Настя сделала ответный ход, весело защебетав. Последовала долгая увертюра, радиоволны разносили по эфиру птичий перепев, будто две соловьишки решили поболтать перед походом на базар.

– Аленка, Алешка, милый мой, как я по тебе соскучилась, – клекотала Настя, а Лена брезгливо морщилась от шелестящих звуков. Истомина ненавидела фальшь в любом виде и упаковке. Она действовала на нее как удушающий газ. Фосген. Иприт. Истомина представила Настю в противогазе. Красивое зрелище, экзотическое. Ни в одном уголке мира не встретишь подобное чудо, только на улицах Петербурга и за определенную плату.

– Я тоже соскучилась, – сказала Елена, переходя на нормальный язык. Птичьи повадки не прижились, как сухая овсянка с утра, они с трудом пролезали в горло, раздирая до крови внутренности.

– Алешкин, давай встретимся сегодня вечером, – засюсюкала Настя.

– Давай, – сердито буркнула Лена. Ей не хотелось встречаться с Настей. Вместо заслуженного отдыха придется тащиться в кафе или ресторан. Настя не понимает, что после работы лучше всего залечь в ванну и мечтать там до девяти вечера. Подруга не любит одиночество, не переносит его, вообще не может находиться дома одна. Она вечно носится по разным забе-галовкам, назначает кому попало встречи, и если желающих встретиться нет, бегаёт рысью по магазинам и бутикам. Домой является к ночи. Лена вздохнула. Женская дружба входит в ритуал повседневности. Нельзя нарушать традиции. Общественность осудит.

– В «Кофейной чашке»? – воскликнула Настя.

«Знает, что я терпеть не могу разные там „Кофейные чашки“, хочет деньги сэкономить, все подешевле ищет. Ждет, когда я приглашу ее в приличное заведение. А я соглашусь на „Чашку“, – подумала Елена.

– Идет, в семь, – неохотно согласилась Истомина и отключила сотовый. И заодно весь окружающий мир. Лена надела наушники. Джо Кокер. Лена решила дистанцироваться от внешних раздражителей, чтобы избавиться от назойливых подруг и звуков. С Кокером стало веселее. А печаль еще глубже легла на тонкое девичье лицо. В ушах Истоминой разливалась сладкая музыка. И сразу приплыли воспоминания. Олег, свадьба, фата, флердоранж. Рулетка. Казино. Елена отмахнулась, но прошлое не собиралось так просто сдаваться. Оно назойливо влезало в настоящее. Погожий день грозил пролиться затяжной депрессией. А воспоминания из прошлого года угрожали плавно перетечь в оставшуюся жизнь.

Еще недавно у Лены все было хорошо. Все было отлично. Просто супер. Она окончила экономический университет, получила блестящий диплом, с одного выстрела пробивающий дорогу в благополучное будущее. Диплом слегка исковеркали несколько четверок, но они не смогли испортить образ перспективного специалиста. В университете знали цену Лениного диплома и сделали все, чтобы девушка удачно устроилась после окончания учебы. Преподаватели устроили протекцию умной выпускнице – своей рекомендацией они почти что благословили Истому, дав ей путевку в «большую жизнь». Через три месяца Лену назначили начальником отдела в банковской корпорации. Это была непростая организация. Она объединяла различные учреждения, работающие под эгидой государства. Банк особняком стоял в огромной череде ведомств и контор, занимающихся многообразной деятельностью. И хотя корпорацию украшало режущее ухо слово «Энтерпрайз», означающее направление деятельности отрасли, ничего общего с деятельностью корпорации это самое «Энтерпрайз» не имело. Магазины, коммуникационные сети, аудиторские организации, адвокатские конторы – это была лишь малая часть от общего списка пресловутого «Энтерпрайза». Елена не вдавалась в частности. Они ее мало интересовали. У женщины должна быть работа и квартира. Об этом с детства упрямо твердила мать Истоминой. Она неустанно вдальблывала в голову дочери прописные истины. Но Лена и без материнских слов знала, чего требовать от этой жизни. Истомина страстно хотела твердо стоять на земле обеими ногами без поддержки и поводыря. Ей не требовался костыль. Она отлично училась в школе, слыла примерной студенткой в университете. При этом умудрялась жить в русле общей жизни, не выделяясь из толпы. Никто не мог сказать, что она завязанная пай-девочка, нет. Обычная девчонка, каких много. Красивая, успешная, целеустремленная. Сияющий взгляд, в котором много моря и солнца. Душа распахнута навстречу миру. В ней не было страха. С такой девушкой легко дружить. Она всегда готова прийти на помощь. И она ни от кого не ждет зла. Лена не верила, что люди могут причинить боль просто так, от скуки. Она не верила, и ей не вредили. Будущее казалось Истоминой бесконечным шоссе, гладким и ровным, без сучка и задоринки. Лене хотелось прожить жизнь безукоризненно, без сбоев, и чтобы она катилась всегда вверх без остановки, без тормозов, осторожно обходя препятствия. Все так и шло. До поры до времени. И вот началась взрослая жизнь. На работу нельзя опаздывать, каждый день нужно приходить к определенному времени, и при

этом иметь вид довольный и ухоженный. В корпорации «Энтерпрайз» не терпят нерях и засонь. И желанная работа быстро превратилась в рутину, а ухоженность в нудную обязанность. Лена часто вспоминала любимый университет, студенческую жизнь, веселые деньки. Учиться было трудно, зато впереди красной звездой сияла четкая и ясная цель. Нужно непременно получить диплом, чтобы удачно устроиться. Лена еще не знала, что процесс достижения цели приносит больше удовольствия, нежели результат. Диплом недолго радовал, он быстро реализовался, и сразу утратил свое целевое назначение, изжив себя за ненадобностью. Вдруг не стало цели. Будущее затуманилось. Оно скрылось за серой дымкой обыденности. И Лена впервые огляделась, вместо людей вокруг теснились сплошные серые пятна. До сих пор она никого не замечала, не видела, не обращала внимания, а ведь эти люди работают рядом с ней, о чем-то думают, наверное, имеют свое представление о ней, юной, мгновенно получившей повышение на работе. Но это повышение она еще не заслужила. Это был аванс молодому дарованию со стороны могучего «Энтерпрайза». Быть может, кто-то из окружающих имел виды на эту должность. Ведь любое служебное место имеет прежде всего свойство материальное, оно, разумеется, тешит самолюбие владельца, в первую очередь, но, ко всему прочему, еще обеспечивает ему благополучное существование. А оно оценивается в денежных знаках. Так как «убитые еноты» безнадежно уничтожены государственным указом, любая зарплата начисляется в рублях. Иногда она доходит до миллионного исчисления. Лена получала гораздо меньше, всего лишь тридцать две тысячи, но ей хватало этих денег, они избавляли ее от родительской опеки. На первых порах материальная независимость радовала девушку, ведь она больше не нуждалась. Истомина с удовольствием тратила зарплату на косметику, одежду, подарки подругам и знакомым. Когда Лена перестала получать положительные эмоции от собственного транжирства, она стала приглядываться к сослуживцам. А как они живут, кто такие, что чувствуют? Кажется, они ничего не чувствуют. На лицах будто нарисованы крепко сжатые губы и косо поставленные улыбки – в корпорации принято улыбаться. Это дежурная мина на лице каждого сотрудника. Маска входит в обязанность работника корпорации, она приравнивается к обязательному присутствию на производственном совещании. Среди масок и мин не было ни одного человеческого лица. Лене стало жутко. Будто в дремучем лесу, кругом и не люди, и не звери. Роботы какие-то. Дом, автомобиль, работа. И наоборот – работа, автомобиль, дом. И так каждый день. Задохнуться можно. Теперь и она живет так, как эти чужие и незнакомые люди. Все одно и то же. Какая-то белочья жизнь. Истоминой казалось, что будущее потерялось в долгой веренице одинаковых будней. Каждый день похож на предыдущий, а завтрашний будет похож на сегодняшний. Так жить нельзя, нужно что-то менять. И Лена решила изменить окружающий мир. Но после недолгих размышлений пришла к выводу, что взялась не за свое дело, ей не преодолеть основы мироустройства. Слишком уж эти люди неприветливы и бесстрастны. До них не достучаться, не дозвониться. Придется закрасить эти лица, залакировать. Пусть блестят, пусть на серых лицах появится солнце. И Елена взялась за дело, она заметно повеселела. Появилась цель. Она решила разбудить спящие души. В коллективе должно повеять морским ветром, и чтобы всем солоно стало, а на зубах песок заскрипел, словно скучный и тусклый «Энтерпрайз» ненароком материализовался в морское суденышко. Окружающий мир напоминает собой бурный океан, он вдоль и поперек пересечен разными глубинными течениями, они разрезают друг друга вширь и вкось, не замечая, что в борьбе противоположностей гибнут и страдают люди. И если не гибнут, то непременно покрываются серым налетом будничности. Сорвать ряску с застывшего болота – вот чем решила заняться Елена Истомина. Вскоре и случай представился. Появились первые знакомства. В энтерпрайзовской столовой Лена впервые встретила с будущим женихом. Она еще не знала, чем закончится мимолетная беседа с красивым мужчиной. Лена не видела опасности в океане глубинных пересечений. И не подозревала, что трясина засасывает неопытных новичков. Высокий, уверенный, надежный – именно таким увидела Лена своего Олега. Он сразу стал для нее своим, родным и милым.

– Вы из отдела планирования? – спросил он, уступая Лене место в небольшой очереди.

У Лены встрепенулось сердце. Девушка едва справилась с волнением. Это был тайный сигнал. Но она ничего не заметила. Олег произвел на Лену приятное впечатление. С таким можно набирать высоту. Он не предаст. Не подставит.

– Д-да, – смущенно прошептала Лена.

– Я тоже там раньше работал, – сказал мужчина и взял Лену под локоток, подвигая ее к барной стойке. Столовая в «Энтерпрайзе» была шикарная. Вечером она служила баром, по выходным – рестораном, а днем безропотно кормила сотрудников корпорации. И кормила вкусно. Народу в столовой всегда было мало, сотрудники мгновенно проглатывали еду и стремительно возвращались на свои рабочие места. В корпорации свирепствовала конкуренция. Каждый старался доказать лояльность своим безупречным видом и поведением. Лена никому ничего не доказывала. Она никуда не торопилась. Ведь впереди была целая жизнь. Она неспешно выбирала блюда, с аппетитом ела, набираясь сил на оставшуюся половину дня. Иногда ей приходилось задерживаться на работе допоздна. Приветливый незнакомец смешал все карты. Лена мигом утратила аппетит. Еда потеряла смысл. Слишком обаятельным показался мужчина. Прохладный внешне, внутри он был наполнен могучей энергией. Казалось, в нем свистел морской ветер, с шумом бились волны, от него штормило. Даже официантки заволновались, не понимая причины беспокойства. В симпатичном мужчине было много синего цвета. Синие глаза, синяя рубашка, джинсы, носки. Только чувственные люди выбирают в одежде синий цвет. Индивидуальная цветовая гамма как своеобразный паспорт. По цвету можно определить характер человека, его пристрастия и привязанности. Этот мужчина склонен к сильной хандре. Классический случай экстраверта. Когда-то Лена увлекалась психологией. Но все знания и навыки разбились, как хрупкая чашка, они посыпались на пол, дребезжа мелкими осколками. Лена вздрогнула, ей показалось, что мужчина слышит этот грохот, но он со знанием дела изучил меню, заказал обед и отвел Лену за столик. Девушка ослабла от волнения, она едва передвигала ноги. Мужчина с удовольствием ухаживал. Он заметил, какое впечатление на нее произвел. Так они познакомились. Елена ничего не ела, даже не прикоснулась к еде.

– Я – Олег, – сказал он, с аппетитом поедая салат, – а вы на диете?

– Да, – кивнула Лена. В эту минуту она не могла себе представить, как можно есть и пить, когда внутри все клокочет и беснуется от волнения. Пальцы рук нервно подрагивали, Лена стиснула ладони, чтобы унять дрожь.

– А вы – Лена, Леночка, Аленка? – утвердительно сказал он, приподнимая краешек губы, как бы улыбаясь.

– Да, Лена, – покорно согласилась она, удивляясь незнакомым звукам. Привычное имя прозвучало иначе, чем прежде. Оно обрело новое звучание. В устах незнакомца все привычное превращалось в волшебное. Он был волшебником, искусным мастером обольщения, но Лена не видела подвоха в мужском внимании, не выискивала тайный смысл в его словах, она не препарировала на части чарующие действия. Нужды в том не было. Все в нем ей нравилось. Он знал ее имя. Значит, заранее проявил интерес к новой сотруднице. Лена зарделась от новых впечатлений, не понимая, что с ней творится. И легко попала в расставленные сети.

– Олег, мне кажется, что наш «Энтерпрайз» заметно заскучал, его необходимо развеселить. Можно устроить корпоративную вечеринку за городом, в пансионате, – сказала Лена, преодолевая смущение.

– Леночка, вы хотите познакомиться покороче с коллегами? Не торопитесь вливаться в наш коллектив, вы скоро его узнаете, – многозначительно сказал Олег.

– Но ведь лето, природа, – окончательно смутилась Лена.

– Ну и что? – засмеялся Олег. – Все будет, как всегда – напьются, побузят, наживут себе врагов. Подождите до рождественских праздников, их будет много, тогда и устроим вечеринку.

Лена замолчала, его ответ сбил девушку с толку. Она сидела напротив Олега и умирала от волнения. А он обедал, с любопытством посматривая на взволнованную девушку.

А после романтического обеда Олег куда-то пропал. Он сказал, что работает в отделе по маркетингу, иногда тайком от всех и от себя в особенности Лена бегала в отдел, чтобы ненароком столкнуться с ним, но его там не было. Долгое ожидание случайной встречи изводило, выматывало и отнимало силы, Лена не признавалась себе, что безнадежно влюбилась, она не хотела признавать очевидного, отвергая саму мысль о влюбленности. Лена без устали бегала в соседний отдел, надеясь ненароком столкнуться с предметом тайного обожания. Все было напрасно. И Лене пришлось срочно обзаводиться подружкой. Без верного помощника в «Энтерпрайзе» придется туго. Среди многочисленных сотрудниц Лена выбрала девушку по имени Настя. Скромная, с виду серая мышка, незаметная, именно такая подойдет для женской дружбы в служебном офисе. Но Настя оказалась девушкой с характером. Из серой мышки пожарной пеной вылезали чудовищные амбиции. Амбиции амбициям рознь, но Настя была выше среднего номинала. Она работала в рекламном отделе, и никому от нее не было покоя. Настя повсюду хотела быть первой, и если не быть, то хотя бы казаться. Она везде успевала проявить свои недюжинные способности. Коллектив изрядно лихорадило от чрезмерной ретивости, но Настя шла по головам сотрудников широким победным шагом. И Лена «положила глаз» на это скопище честолюбия и строптивости. Сама пригласила Настю на обед, угостила сигаретами, чашкой кофе, всячески старалась развлечь бойкую карьеристку байками из жизни гламурных девиц. Истомина не решилась предложить Насте устроить вечеринку, ведь Олег категорически отверг вполне невинную идею, вдруг Настя более резко отринет саму возможность всеобщего панибратства. Для диалога с новой знакомой Лена выбрала самую модную тему.

– Настя, может встретимся, погуляем, ходим по магазинам? – сказала Лена, уводя взгляд от жующего рта новой знакомой. Настя молча жевала, и непонятно было, хочет она встретиться или у нее есть другие занятия. Спорт, ночные клубы, танцы – мало ли чем может увлечься симпатичная девчонка в двадцать с небольшим.

– Да-да, Настя, шопинг – мое любимое занятие, уверяю тебя. Когда я вижу какую-нибудь модную сумочку из тончайшей атласной лайки, я зажмуриваюсь, не смотрю на ценник и беру. Беру и не думаю, что ухнула всю месячную зарплату. А ты, Настя, так можешь? Вот так просто, пришла в бутик, вперила взоры в понравившуюся вещь и бах, не глядя, хватаешь и несешься к кассе. Можешь?

Лена беззастенчиво врала, а Настя старательно уплетала плюшку, облитую шоколадной глазурью. Истомина с завистью смотрела на аппетитную булочку и глотала слюнки. Проклятая диета. Как хочется пожить по-человечески, вот бы так, взять, не глядя, кусок сладкой булки или пирога и есть-есть-есть, не задумываясь ни на секунду, сколько слоев жира отложится на бедрах и талии.

Лена ненавидела бутики и магазины. В первые месяцы работы она с удовольствием тратила деньги, рьяно бегала по магазинам, но быстро охладела к пустому занятию, и теперь посещала торговые дома лишь по необходимости. И эти редкие посещения приравнивала к пыткам. Сейчас Лена пыталась подружиться с сотрудницей корпорации, ощущая себя при этом иностранным шпионом, вербующим агента. А для вербовки все средства хороши.

– Могу, я все могу, – набитым ртом прошамкала Настя, – однажды я совершила подвиг. Настоящий. Как Лиза Чайкина. Почти что.

Лена заинтересованно прислушалась. Она не знала, кто такая эта Лиза Чайкина. И Лена абсолютно не умела совершать подвиги. Ее этому не учили в университете. Да и не девичье это дело. Разумеется, можно сравнить с подвигом каждодневную диету, но за нормированный вес молодого тела медаль не дадут. И по телевизору не покажут, и даже в газетах не прославят. Лена наострила уши, приготовившись слушать истории про женские подвиги. А Настя про-

жевала один кусок и принялась за второй. При этом она не умолкала. Набитый рот выдавал странное месиво из шипящих звуков. Настя не думала о том, какое она производит впечатление на окружающих. Она жила легко и весело, опираясь на сумасшедшие амбиции. Они заменяли ей принципы.

– Однажды у меня сломался каблук. Как раз перед выходом на работу. Я не обратила внимания. Отдала туфли в починку, и в этот же день у меня начались неприятности на прошлой работе. Прямо как снежный ком покатился. Каблук, скандал и так далее. Чтобы успокоиться, я пошла в бутик – типа «посмотреть что там продают и что люди покупают», при этом ничего не собиралась покупать. Вечная проблема с деньгами. И надо же было случиться, что на глаза мне попались черевички на шнуровочке. Милые такие, приятные, из телячьей кожи. Я чуть не умерла. Примерила – мои сапожки, сели, как влитые. Коленку закрыли, а голень приоткрыли. Сексуально, гламурно, просто писк! У меня сердчишко забилося, я себя в кулак сжимаю, хоть бы что. Дыхание частит, кровь бурлит, зрачки расширены. Пульс – двести ударов в секунду. В чистом виде наркомания. Цена этим черевичкам – две моих зарплаты. Подошла продавщица, посмотрела на меня, улыбнулась и предложила скидку. И я повелась на скидку. Знаешь, когда предлагают «халяву», всегда кажется, что ты у жизни вырвала золотой зуб. И он стал твоим. Задаром. Ну вот, купила я сапожки, пришла на работу, а у меня каблук опять возьми и отвалился. На ровном месте. За рабочим столом. На новых сапожках. В этот же день меня с работы уволили. Я хотела пойти в бутик, чтобы они мне деньги вернули, но не пошла. И ты знаешь, почему? – сказала Настя и уставилась на Лену в ожидании ответа.

– Не знаю, – сказала Лена и вздернула кончик носа. Странная она, эта Настя. Ест много и с аппетитом, но не полнеет, вполне стройная девушка. Везет же некоторым!

– Обувная тема была предзнаменованием. Я сразу подумала, что это – тайный знак. На работе была плохая атмосфера, она вредно воздействовала на меня, если уж сапоги не выдерживают, как старые, так и новые, то что остается делать бедным людям? Вот так сапоги спасли меня от стресса. И я быстро нашла новую работу, а новые сапоги выбросила на помойку, чтобы они не напоминали мне о пережитом ударе судьбы, – хвастливо заявила Настя и шумно отхлебнула глоток чая.

«И жидкости много вливает в себя. В этой чашке помещается литр. И все равно на ее фигуре ничего не отражается, – подумала Лена и дернула плечом, она была недовольна собой. – Мне приходится регулировать потребление жидкости, калорий, белков и углеводов, а Настя наслаждается полнотой жизни. Сапоги за две тысячи евро выкидывает на помойку».

– А для меня шопинг, Настя, совсем другое качество жизни. Когда я покупаю себе новую косметику, мне кажется, что я превращаюсь в сказочную героиню. Я строю себе маску. Делаю новое лицо, – сказала Лена, стараясь говорить искренне.

В то время Истомина вообще не пользовалась косметикой. Маска Лене понадобилась чуть позже. А в тот момент, разумеется, она кривила душой, всячески притворяясь, чтобы поддержать тему разговора, уж очень ей хотелось подружиться с Настей.

– Чепуха, ты прячешься от жизни, – сказала Настя тоном опытного психотерапевта, – вещи для женщины – это дуновение ветра, капли дождя, солнечный свет. Вещи обязаны лечить наши душевные раны. Себя нужно создавать из вещей, а не из масок. Джинсы, ботфорты, корсет – и ты героиня из прошлого века. Амазонка, феминистка, воинственная суфражистка. Сарафан, очки и босоножки – и ты совершенно иная, романтическая и наивная. Кто смотрит на тебя – видит дождь, грусть, облака. Нам нет необходимости раскрашивать лицо. Зачем скрывать красоту под личиной? Ты кого-то боишься, Лена? – огорошила неожиданным вопросом Настя, она уже выпила чай и сидела, как на иголках, подпрыгивая и подсакивая, как теннисный мячик, по-видимому, мысленно она уже переместилась из столовой в офис.

– Я? – воскликнула Лена. – Нет, я никого не боюсь. Мне всегда нравилась косметика. Я люблю менять свой образ.

Лена никогда не думала о своем образе, тем более, о его смене. Этот разговор всплыл в памяти позднее, когда случилось то, что случилось. Истоминой поневоле пришлось поменять лицо. Она стала пользоваться косметикой, вынужденно, благодаря стечению обстоятельств. Но в эту минуту она еще ни о чем не знала.

– Опасное занятие, подружка, – засмеялась Настя, – оно может далеко завести. Нельзя иметь два лица. Второе – про запас, что ли? Идем вкалывать, а то нам с тобой попадет. Вообще без образов останемся. И заодно без зарплаты.

Лена покачала головой и осталась в столовой. Подружиться с первого раза не удалось. Не нужно было спорить с Настей. У каждой женщины свои секреты и свои пути-дорожки в этой жизни. Шопинг – модное увлечение многих женщин. Это убийственное времяпровождение для кошелька и здоровья. Лена любила красивые вещи, но к тратам стала относиться разумно, вышколив себя до чрезмерной пунктуальности. Лена осознала, что современный уклад жизни требует особых качеств от женщины. При посещении модных магазинов нужно быть сосредоточенной, осмотрительной и проницательной. Но ничего этого Лена не сказала Насте, она не поделилась с ней своими размышлениями, уже в то время Истомина скрывала от окружающих свое отношение к жизни. Она не любила распахивать душу наизнанку. Ни перед кем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.